

УДК 327.37, 327.5

ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ И РАЗОРУЖЕНИЕ В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ¹

© 2024 АРБАТОВ Алексей Георгиевич

Доктор исторических наук

Руководитель Центра международной безопасности

*Национального исследовательского института мировой экономики
и международных отношений (ИМЭМО) им. Е.М. Примакова РАН*

117997, Россия, Москва, Профсоюзная ул., д. 23

E-mail: alarbatov@gmail.com

Поступила в редакцию 30.07.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Аннотация. Опыт 60 лет контроля над ядерными вооружениями был достаточно успешен, кроме одного аспекта – перехода ограничения и сокращения ядерных арсеналов с двустороннего (США–СССР/Россия) на многосторонний формат. Причина заключается в ошибочности подходов к многостороннему ядерному разоружению, которые не учитывали специфику отношений многостороннего ядерного сдерживания среди государств. Впредь переход к многостороннему формату становится непреложным условием сохранения системы ядерного разоружения и ее приспособления к полицентричному мироустройству, чтобы оно не превратилось в ядерный хаос.

Ключевые слова: ядерное сдерживание, ядерное разоружение, многополярный миропорядок, ядерное распространение, договоры об ограничении ядерных вооружений, носители ядерных вооружений

DOI: 10.31857/S0201708324050012

В условиях небывалого со времен Второй мировой войны обострения международной напряженности внешняя политика Российской Федерации ставит цель перестройки мирового порядка, сложившегося после окончания холодной войны и распада СССР. Как указано в Концепции внешней политики от 2023 г., Россия

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

стремится к устранению «...рудиментов доминирования США и других недружественных государств в мировых делах, созданию условий для отказа любого государства от неокOLONиальных и гегемонистских амбиций; совершенствованию международных механизмов обеспечения безопасности и развития на глобальном и региональном уровнях»¹.

По всей видимости, конкретные параметры искомого справедливого и равноправного миропорядка находятся в стадии формирования, но одна несущая конструкция уже определена. Ею является многополярная (с геофизической точки зрения, точнее – полицентричная) система международных отношений на глобальном и региональном уровнях мировой экономики, политики и военного баланса. Она должна прийти на смену монополярной системе под эгидой США, которая с теми или иными оговорками имела место в течение примерно четверти века после распада СССР на пороге 1990-х гг. Как показал исторический опыт, многополярная система (возникшая, например, по итогам Венского Конгресса после наполеоновских войн XIX в.) является более устойчивой основой мира [Kissinger, 1957; Morgenthau, 1948], нежели монополярная, провоцирующая непрерывное и многостороннее военно-политическое сопротивление гегемону. Полицентричность предпочтительна также и биполярному мироустройству, предполагающему постоянное балансирование на грани больших войн (как перед Первой мировой войной и в течение четырех десятилетий прошлой холодной войны).

Вместе с тем, исторически полицентричный миропорядок не знал ядерного оружия и в целом не имел дело с бурным военно-техническим прогрессом, который сделал гонку вооружений важнейшим фактором угрозы миру и существованию современной цивилизации, а возможно – и биологической жизни на планете. Поэтому ограничение ядерных вооружений стало в последние 60 лет одним из главных инструментов предотвращения войны. Эта деятельность разворачивалась вокруг стержня биполярного формата отношений государств, а именно ядерных сверхдержав в лице СССР/России и США. В связи с этим очевидно, что формирование многополярной структуры мировой политики не должно разрушить систему контроля над вооружениями и повлечь ядерный хаос.

Указанную систему необходимо приспособить к полицентричному мироустройству, наряду с ее распространением на новейшие виды вооружений и разрушительных технологий. Об этом недвусмысленно сказано и в российской Концепции внешней политики, которая призывает способствовать «...укреплению и развитию международных политических основ (договоренностей) поддержания стратегической стабильности, режимов контроля над вооружениями и нераспространения всех видов оружия массового уничтожения и средств его доставки... созданию условий для дальнейшего поэтапного сокращения ядерных потенциалов... предотвращению актов ядерного терроризма»².

¹ Концепция внешней политики РФ. Указ Президента России об утверждении от 31.03.2023. (п. 11). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 19.08.2024).

² Концепция внешней политики РФ...

Многостороннее ядерное разоружение

Опыт прошедших шести десятилетий разоружения был весьма неоднозначен, но в целом успешен, особенно в части ограничения и сокращения ядерного оружия, его испытаний и распространения в географических зонах и физических пространствах¹. Однако в одном важном аспекте этот опыт оказался неудачен – переходе ограничения ядерных носителей и боезарядов с двустороннего (СССР/Россия – США) на многосторонний формат. Параллельно в 1950–2006 гг. появилось восемь других государств, обладающих ядерным оружием².

Это не означает, что «третьи» ядерные государства стояли вовсе в стороне от системы ядерного разоружения. Все они (кроме КНДР) участвуют в договорах о частичном запрещении ядерных испытаний (от 1963 г.) и о неразмещении ядерного оружия в космосе (от 1967 г.), о запрещении размещения ядерного оружия на дне морей и океанов (от 1971 г.)³. Все пять ядерных держав – постоянных членов Совета Безопасности ООН (Россия, США, Великобритания, Франция и КНР) являются членами Договора о нераспространении ядерного оружия (от 1968 г.) и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (от 1996 г.), хотя США и КНР последний не ратифицировали, а Россия в 2000 г. ратифицировала, но в 2023 г. отозвала свою ратификацию. Среди остальных ядерных государств ДВЗЯИ не подписала КНДР, а Индия, Пакистан и Израиль подписали, но не ратифицировали.

После окончания холодной войны ряд стран в одностороннем порядке сокращали свои ядерные арсеналы, вводя в строй новые системы⁴. Тем не менее, договорно-правовое и проверяемое ограничение, сокращение и ликвидация ядерных вооружений остались двусторонним мероприятием только СССР/России и США на протяжении последних 50 лет процесса контроля над стратегическими вооружениями и ракетами средней дальности.

Отсюда вытекает *первая задача* приспособления системы контроля над ядерными вооружениями к грядущей многополярности. Она состоит в том, чтобы

¹ По ограничению и сокращению ядерного оружия были заключены Соглашение по ОСВ-1 и Договор по ПРО (1972 г.), ОСВ-2 (1979 г.), РСМД (1987 г.) СНВ-1 (1991–1994 гг.), СНВ-2 (1993 г.), Соглашение СНВ-3 (1997 г.), договоры СНП (2002 г.) и СНВ-3 (2010 г.). По испытаниям ядерного оружия: договоры 1963 г., 1974 г., 1976 г., 1996 г. По нераспространению ядерного оружия: Договор о нераспространении – ДНЯО (1968 г.), о запрещении размещения в космосе (1967 г.) и на дне морей и океанов (1971 г.).

² Помимо США, России и остальных 7 ядерных государств (Великобритания, Франция, КНР, Израиль, Индия, Пакистан, КНДР), в конце 1970-х годов ядерное оружие создала и, по всей видимости, в 1979 г. испытала ЮАР. Однако, перед приходом к власти черного большинства в 1989 г. она отказалась от собранных 6 атомных бомб и демонтировала их, а в 1992 г. вступила в ДНЯО как неядерное государство.

³ В Договоре 1971 г. не участвуют КНДР, Израиль и Пакистан.

⁴ На конец 1980-х гг. ядерные силы Британии и Франции суммарно насчитывали порядка 800 ядерных боезарядов. [SIPRI Yearbook, 1989]. В 2021 г. общее количество ядерных боезарядов двух держав (включая запасные, размещенные в хранилищах) вследствие односторонних ограничений насчитывало 515 боезарядов, а к середине 2020-х гг. увеличится до 550 единиц [SIPRI Yearbook, 2022: 369–379]. Остальные пять ядерных государств (Израиль, КНР, Индия, Пакистан, КНДР) наращивали свои арсеналы разными темпами, тогда как ЮАР демонтировала ядерное оружие после 1989 г.

предотвратить дальнейшее расширение «ядерного клуба» сверх существующих 9-ти ядерных государств. Понятно, что отказаться от атомной энергетики нереально, особенно с учетом нарастающего климатического кризиса из-за углекислого загрязнения атмосферы. Также невозможно прекратить международное сотрудничество в освоении «мирного атома», тем более в условиях растущего спроса на него в «догоняющих» регионах планеты и обострения конкуренции поставщиков в погоне за коммерческими и политическими выгодами.

В настоящее время из 193 государств ООН 54 имеют те или иные элементы ядерной промышленности и инфраструктуры, в том числе 32 страны обладают 450 промышленными атомными реакторами. О мотивах обретения ядерного оружия будет сказано ниже, но главными техническими маршрутами от «мирного» к «военному атому» являются производства по обогащению урана и сепарации плутония из отработанного ядерного топлива АЭС, позволяющие создать оружейные ядерные материалы для взрывных устройств. Сейчас 12 государств располагают заводами по обогащению природного урана, а 4 страны имеют предприятия по сепарации плутония¹. Следовательно, первоочередной способ перекрыть военные «ответвления» ядерной энергетики состоит в укреплении режимов и механизмов ДНЯО, включая расширение гарантий МАГАТЭ. Также, в качестве общего условия, необходимо сохранение существующих сопутствующих режимов контроля над ядерным оружием: ДВЗЯИ, Договоров о неразмещении этого оружия в космосе и на дне морей и океанов, достижение прогресса длящихся более 30 лет переговоров о запрещении производства оружейного урана и плутония².

Проблема, однако, заключается в том, что система нераспространения ядерного оружия переживает ныне глубокий кризис. Помимо специфических проблем этой сферы международной безопасности, положение усугубляется распадом режимов ядерного разоружения, с которыми ДНЯО связан его знаменитой Статьей VI, обязывающей ядерные державы-члены Договора «в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению»³.

На перекрестке кризисов

В 1990-е гг., в политической взаимосвязи с прогрессом сокращения ядерных вооружений, Договор о нераспространении ядерного оружия существенно укреплялся. Он получил бессрочный статус (1995 г.), к нему дополнительно присоединились более 40 государств, включая две ядерные державы (Франция и КНР). Добровольно или насильно лишились ядерного оружия или военных ядерных программ 7 стран (Ирак,

¹ Operating Experience with Nuclear Power Stations in Member States. International Atomic Energy Agency. 2024 Edition. URL: https://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/OPEX_2024_web.pdf (дата обращения 21.08.2024).

² Речь идет о начавшихся в 1993 г. в рамках ООН переговорах по Договору о запрещении производства разделяющихся материалов в военных целях (ДЗПРМ).

³ Договор о нераспространении ядерного оружия. Организация Объединенных Наций. 12.06.1968. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 21.08.2024).

ЮАР, Украина, Казахстан, Беларусь, Бразилия, Аргентина). В 1997 г. был принят Дополнительный Протокол к гарантиям МАГАТЭ, расширивший возможности контроля над ядерной деятельностью неядерных государств. ДНЯО превратился в самый универсальный международный документ, помимо Устава ООН, за его пределами тогда оставались всего 3 страны мира (Израиль, Индия, Пакистан). Зоны, свободные от ядерного оружия, вдобавок к Антарктике (1959 г.), Латинской Америке (1967 г.) и южной части Тихого Океана (1985 г.), охватили также Монголию (1992 г.), Юго-Восточную Азию (1995 г.), Африку (1996 г.) и Центральную Азию (2006 г.).

Создание ядерного оружия Индией и Пакистаном в 1998 г. стало, по существу, пределом успешного шествия системы нераспространения ядерного оружия по планете. После этого в глухой тупик зашла проблема денуклеаризации Корейского полуострова, наряду с обостряющимся военным, в том числе ядерным противостоянием в регионе. В 2003 г. КНДР вышла из ДНЯО и в 2006 г. провела первое ядерное испытание, за которым последовало еще пять. Правда, в 2015 г. при благоприятном эффекте от Договора СНВ-3 удалось заключить соглашение об ограничении и транспарентности атомной программы Ирана. Но в 2018 г. администрация Д. Трампа вывела США из этого соглашения, разрушив его и усугубив ядерную напряженность, причем Иран возобновил свою программу и подошел ближе к «ядерному порогу». Не сдвинулась с мертвой точки инициатива по созданию Зоны свободной от оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке, которой было обусловлено согласие неядерных государств на бессрочное продление ДНЯО в 1995 г. Подряд две Обзорные Конференции по рассмотрению этого Договора, каждые пять лет фиксирующие его состояние и перспективы, закончились неудачей в 2015 и 2022 гг.

Параллельно шел демонтаж системы ограничения и сокращения ядерного оружия. В 2002 г. на волне психологического шока от террористических авиаударов в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 г., но безо всяких убедительных стратегических оснований, США вышли из Договора по ПРО. В 2019 г. Вашингтон денонсировал Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), а в 2020 г. отказался от Договора по открытому небу (ДОН).

В условиях эскалации конфликта на Украине в феврале 2023 г. Россия приостановила действие Договора СНВ-3 – ввиду курса США и НАТО на «стратегическое поражение» России и по некоторым другим причинам¹. В том же году РФ денонсировала Договор по обычным вооруженным силам в Европе, участие в котором приостановила еще с 2015 г. главным образом из-за расширения НАТО на восток. А в 2024 г. Москва отозвала ратификацию Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) для выравнивания своего положения с США, которые подписали этот договор еще в 1996 г., но так и не ратифицировали его.

В перспективе под угрозой оказались сохранение ДВЗЯИ, Договора по космосу (1967 г.) и морскому дну (1971 г.) и, самое главное, Договора о нераспространении ядерного оружия. При неблагоприятном развитии событий целый ряд государств,

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. Официальный сайт Президента России. 21.02.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 21.08.2024).

имеющих те или иные «заделы» в сфере ядерной энергетики, технологий и материалов двойного применения могут встать на путь обретения ядерного оружия за счет тайных программ или через открытый выход из Договора в соответствии с его Статьей X п.1 с уведомлением за 3 месяца других членов ДНЯО и Совета Безопасности ООН.

Среди государств, имеющих солидные технические потенциалы в данной отрасли – Япония, Южная Корея, Тайвань (частично признанное государство), Турция, Египет, Саудовская Аравия, Иран и даже Украина [Новая ядерная девятка..., 2023]. Все они являются членами ДНЯО. Большинство этих стран находится в пределах досягаемости носителей малой и средней дальности до России, а их отношения с Москвой недружественны или, в лучшем случае, нестабильны. В более отдаленной перспективе к «ядерному клубу» могут присоединиться Бразилия, ЮАР, Нигерия, Индонезия и другие государства – члены ДНЯО.

Многие из этих стран вовлечены в региональные конфликты, отличаются внутривнутриполитической неустойчивостью, не имеют достаточных технических ресурсов для обеспечения сохранности ядерных объектов и исключения несанкционированного применения ядерного оружия. Поэтому вероятность конфликтов с использованием такого оружия будет возрастать, как и опасность получения доступа к ядерным боеприпасам и материалам со стороны террористических организаций.

Сохранение ДНЯО и укрепление его режимов и механизмов в полицентричном мире невозможно в условиях дальнейшего развала системы контроля над ядерными вооружениями. Поэтому *второй задачей* адаптации этой системы к многополярному миропорядку является подключение к процессу разоружения всей пятерки постоянных членов Совета Безопасности ООН, одновременно являющихся легитимными ядерными державами ДНЯО, которые взяли на себя обязательство по его Статье VI «вести переговоры об эффективных мерах по... ядерному разоружению», в качестве условия отказа других государств от ядерного оружия.

Привлечение Великобритании, Франции и Китая к ограничению ядерных вооружений невозможно без сохранения в той или иной форме Договора СНВ-3 между Россией и США. Одновременно то и другое стало условиями переговоров о следующем стратегическом соглашении после истечения продленного срока текущего Договора в феврале 2026 г. И это является *третьей задачей* политики сохранения системы контроля над вооружениями при формировании безопасного многополярного мира. Следует еще раз подчеркнуть: логика этой политики предполагает сохранение ДНЯО, которое подразумевает привлечение к ограничению вооружений ядерной «пятерки» (а впоследствии всей «девятки»), что требует первоочередного возобновления диалога большой «двойки».

Вопреки упрощенному представлению о проблеме, дело не сводится к тому, что гонка вооружений между двумя ядерными сверхдержавами подает «плохой пример» тройке других ядерных государств ДНЯО, а все они вместе – четверке ядерных «аутсайдеров» вне этого Договора и остальным странам мира. Также неверно, что «хороший пример» двух сверхдержав сам по себе способен вовлечь в разоружение остальных обладателей ядерным оружием. В данной сфере механизм так не работает: никакие хорошие или плохие примеры не действуют, если то или иное государство решит обрести ядерное оружие для обеспечения своей национальной

безопасности или, наоборот, воздержаться от этого – что и происходило по мере приобщения к «ядерному клубу» 10 стран (включая ЮАР) или, наоборот, отказа других государств от такого шага после 1945 г.

Дело в другом: гонка вооружений и разрушение договоров об их ограничении между ведущими державами, во-первых, «рикошетом» снижает безопасность других ядерных и неядерных государств, вызывая «цепную реакцию» наращивания и распространения ядерных вооружений. Например, гонка вооружений между США и КНР воспринимается как угроза Индии, Японией, Южной Кореей, КНДР, Тайванем, побуждая их наращивать свои ядерные потенциалы или всерьез рассматривать вариант вступления в «ядерный клуб». Наращивание вооружений США и России подстегнет ядерные программы Великобритании, Франции, Китая, а за ним – Индии и Пакистана. Приобщение к ядерному оружию Ирана в его противостоянии Израилю и США подтолкнет в том же направлении Саудовскую Аравию, Турцию, Египет.

Во-вторых, ядерное соперничество мешает сотрудничеству ведущих держав в привлечении к контролю над вооружениями «третьих» ядерных стран и в укреплении режимов нераспространения среди неядерных государств. Как было отмечено выше, недаром самые крупные достижения в сфере нераспространения имели место в 1990-е и начале 2010 гг. – параллельно с прогрессом ядерного разоружения. И наоборот, стагнация и попятное движение в ограничении ядерных вооружений негативно сказывались на режимах нераспространения, как было в конце 2010-х и еще больше – в начале 2020-х гг.

Иными словами, прогресс ядерного разоружения ведущих держав, наряду с гарантиями безопасности неядерным государствам, создает лишь благоприятный политический фон для вовлечения в процесс «третьих» ядерных стран и для нераспространения ядерного оружия в остальном мире. Но это отнюдь не гарантирует успех того и другого, для чего нужны большие совместные политические усилия в каждом отдельном случае. В то же время наращивание ядерных вооружений ведущими державами и распад режимов ограничения вооружений практически гарантирует вовлечение в гонку ядерных вооружений «третьих» государств и дальнейшее расширение круга обладателей этим оружием.

Что касается двустороннего стратегического диалога России и США, то еще до начала специальной военной операции России на Украине в ходе консультаций по стратегической стабильности летом и осенью 2021 г. (прерванных Вашингтоном из-за начала СВО), между Россией и США выявились серьезные расхождения. Первая выдвинула концепцию «уравнения безопасности» – об ограничении всех стратегических вооружений: не только ядерных, но и обычных, которые могут применяться «в целях нанесения первого удара для нейтрализации или ослабления потенциала сдерживания другой стороны»¹. Вторая сторона потребовала охвата ограничениями всех ядерных вооружений: как стратегических, так и тактических. Этот раскол в позициях сторон обещает большие трудности для дальнейших переговоров.

---

¹ Рябков: Россия предлагает США включить в стратегическую повестку безъядерные вооружения. ТАСС. 27.01.2021. URL: <https://tass.ru/politika/10557045> (дата обращения: 21.08.2024).

Но еще больше проблем создаст косвенно поставленный обеими державами вопрос привлечения к переговорам третьих стран или учета их сил при дальнейшем сокращении стратегических вооружений. Россия сослалась на ядерные вооружения Великобритании и Франции как одну из причин приостановки своего участия в Договоре СНВ-3¹ в феврале 2023 г. США не остались в долгу и заявили о необходимости ограничения или учета ядерного потенциала КНР, которому с 2021 г. прогнозируют существенный рост – вплоть до уровня двух нынешних сверхдержав в следующие 10 лет². Иными словами, теперь со всей настойчивостью возродилась тема расширения процесса ядерного разоружения с двух- на пятисторонний формат при условии благоприятных перемен международной ситуации.

Неудачный пятисторонний опыт

Изначально предложение о начале пятистороннего формата была выдвинуто министром обороны Великобритании того времени Д. Брауном в феврале 2008 г. на Конференции по разоружению в Женеве. После этого состоялся ряд встреч в Лондоне, Париже, Вашингтоне и Пекине (обозначенный как формат «P5»). По итогам переговоров стороны приняли ряд документов, которые постепенно становились все более рутинными и похожими друг на друга: в пользу стратегической стабильности и вступления в силу ДВЗЯИ, прогресса переговоров по ДЗПРМ, за достижение соглашения по ядерной программе Ирана и денуклеаризации Корейского полуострова, в поддержку Группы ядерных поставщиков и предотвращения ядерного терроризма, в пользу созыва конференции по созданию зоны свободной от оружия массового уничтожения (ОМУ) на Ближнем Востоке и другие.

Однако процесс «P5» не достиг никакого прогресса на пути к своей главной цели: привлечению всех пяти ядерных держав к мерам ограничения их ядерных вооружений через конкретные соглашения. Стандартная общая позиция «третьих» стран состояла в том, что сначала США и Россия должны сократить свои арсеналы ядерного оружия до уровня, приближающегося к уровню меньших обладателей таким оружием³, а уж затем можно будет говорить об общих сокращениях вооружений «ядерной пятерки». Ритуальная отговорка «большой двойки» сводится к тому, что после глубоких сокращений последних десятилетий для дальнейшего пониже-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию...

² Military and Security Developments Involving the Peoples' Republics of China, 2021. Annual Report to Congress. Office of the Secretary of Defense (p.48). URL: <https://media.defense.gov/2021/Nov/03/2002885874/-1/-1/0/2021-CMPR-FINAL.PDF> (дата обращения: 21.08.2024).

³ Британский потенциал ядерного сдерживания при нынешних носителях мог бы максимально насчитывать 512 боезарядов, однако их развернутое число составляет 120 единиц и будет увеличено к середине 2020-х годов до 260 единиц. Франция имеет техническую возможность оснастить свои ядерные носители 374 ядерными боеголовками, но реально располагает 290 боезарядами. КНР не публикует данных о своем ядерном потенциале, но американские источники оценивают его на уровне около 500 единиц, которые могут вырасти к 2027 г. до 700 боеголовки, к 2030 г. – до 1000, а к 2035 г. – до 1500 единиц [SIPRI Yearbook 2022: 369–379]; Military and Security Developments Involving the Peoples' Republic of China, 2021... P. 8.

ния уровня их ядерных потенциалов в следующем соглашении нужны твердые гарантии ограничения ядерных вооружений третьих стран.

Хотя это не разъясняется официально, специалистам ясно, что равенство в пятистороннем формате повлекло бы новые стратегические асимметрии. Например, для России снижение ядерных сил к уровням каждой из третьих стран означало бы, по крайней мере, тройное отставание от совокупного ядерного потенциала трех держав НАТО. А для США это было бы равнозначно паритету с КНР и двойному отставанию от совокупности ядерных сил России и Китая, которые провозглашают друг друга «стратегическими партнёрами». К тому же равенство России с каждой из трех меньших стран усугубит значение ее отставания от НАТО по обычным вооруженным силам и вооружениям. А для США равенство с КНР поставило бы под сомнения их ядерные гарантии безопасности азиатским союзникам и партнерам (Японии, Южной Корее, Тайваню).

Изначальным недостатком упрощённой схемы Брауна явилось применение модели многостороннего контроля над различными направлениями ядерной деятельности (испытания ядерного оружия, его нераспространение, производство оружейных ядерных материалов, размещение в иных средах) к физическому ограничению и сокращению уже развернутых ядерных носителей и боеголовок. Концепция формата «P5» была ошибочно выведена из Статьи VI ДНЯО и механически перенесена на задачу ограничения и сокращения ядерных вооружений пяти государств. Между тем данная статья вовсе не обязательно подразумевает пятисторонние переговоры о практическом ограничении ядерных вооружений. В ней лишь сказано, что все ядерные державы ДНЯО должны участвовать в процессе ядерного разоружения, а конкретные форматы, сроки и этапы этого процесса никак не определяются.

Общее и различное в политике ядерных держав

Привлечь ядерные государства к ограничению вооружений невозможно без учета задач, которые каждое из них связывает со стратегией ядерного сдерживания. Понятно, что ни одно государство не пойдет на переговоры и соглашения, которые нанесут ущерб его безопасности. При этом военные и политические цели ядерного сдерживания у каждой страны индивидуальны и определяются тем, кто ее противники и союзники, каковы возможности и намерения последних и какие задачи поставлены для применения ядерных сил.

Из девяти нынешних ядерных государств все, кроме Израиля (и в прошлом ЮАР¹), связывают с ядерным потенциалом свой престиж и статус в мире. Все они преследуют цель сдерживания ядерной агрессии (и нападения с применением других видов ОМУ) посредством угрозы ответного ядерного удара. Такой же ответ предусматривается Россией, США, Великобританией и Францией в случае агрессии с использованием ОМУ против их союзников. Эта задача, однако, не ставится со стороны КНР, Индии, Пакистана, Израиля и КНДР. Также все, кроме КНР и Индии², имеют целью сдерживать нападение с применением обычных вооружений,

¹ Израиль и в прошлом и ЮАР держали свои ядерные силы в секрете, хотя по умолчанию ядерное оружие призвано служить международному престижу Израиля.

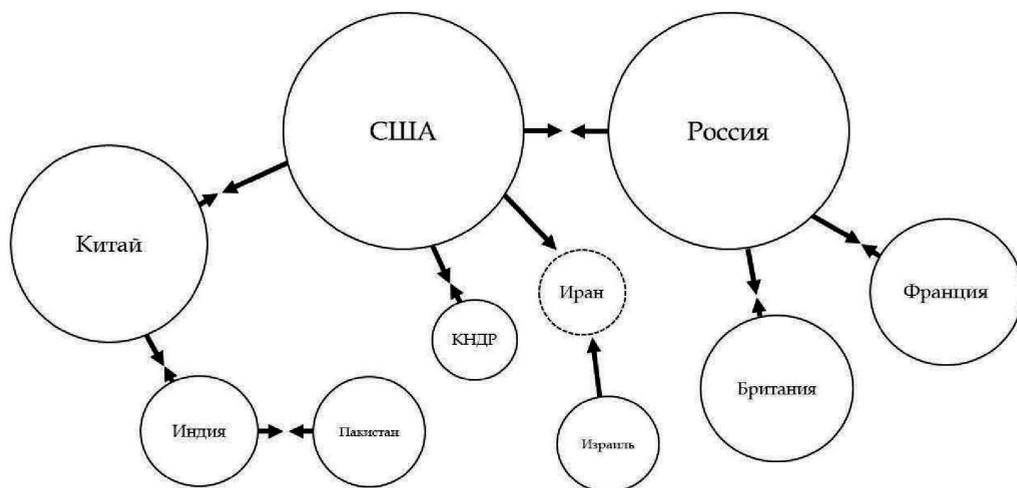
² Эти государства приняли обязательство о неприменении ядерного оружия первыми.

что предполагает первое применение своего ядерного оружия (в российской Военной доктрине с уточнением: если неядерная агрессия «поставит под угрозу само существование государства»). Использование ядерного оружия в ответ на конвенциональное нападение на союзников предусматривается доктринами США, Великобритании, Франции, а с недавних пор и России.

«Адресатами» политики ядерного сдерживания для России являются США, другие страны НАТО, Япония, Южная Корея и, видимо, по умолчанию Израиль; для США – Россия, КНР, КНДР и потенциально Иран; для Великобритании и Франции – Россия и потенциально КНР и Иран; для КНР – США, Индия, Япония и Южная Корея; для Индии – КНР и Пакистан; для Пакистана – Индия; для Израиля – Иран и арабские противники, для КНДР – Южная Корея и США и для Ирана (в случае обретения ядерного оружия) – Израиль и США (Рис. 1).

Рисунок 1. Многостороннее асимметричное ядерное сдерживание

Многостороннее асимметричное ядерное сдерживание

Каждое ядерное государство вложило в создание своего потенциала огромные экономические, технические и интеллектуальные ресурсы. Любое из них гипотетически может согласиться ограничить и сократить свои ядерные силы, только если это упрочит его национальную безопасность. То есть исключительно в обмен на адекватное ограничение и сокращение, в первую очередь, ядерных вооружений противников, на которых ориентирована их политика ядерного сдерживания. Так и поступали СССР/Россия и США в течение полувека переговоров по стратегическим вооружениям.

В ином случае никакие глобальные проекты договоров о ядерном разоружении, декларации ООН и ОБСЕ, призывы авторитетных деятелей и организаций мировой общественности – при всем к ним уважении – не возымеют ощутимого эффекта. Нескончаемый схоластический спор ядерной «большой двойки» с «тройкой» и не-

ядерными государствами на Обзорных и Подготовительных Конференциях ДНЯО и в ООН о том, кто должен первым двигаться по пути разоружения, служат лишь дипломатической завесой истинных основ их позиций по ядерной тематике.

Подключение остальных ядерных государств

Чтобы перейти от бесконечных словопрений к делу, нужно принять за основу имеющийся опыт: более полувека успешных стратегических переговоров СССР/России и США. В их итоге с 1972 г. были ограничены уровни ядерных носителей, а с 1991 г. число ядерных боезарядов стратегических сил сторон было в сумме сокращено более чем в 7 раз, а носителей – в 3 с лишним раза, причем структурно-качественные ограничения («стабилизирующие сокращения») сделали физически невозможным разоружающий ядерный удар между ними.

Это стало возможным в силу двух главных обстоятельств. Во-первых, между державами с конца 1950-х гг. объективно существовали ясно выраженные отношения взаимного ядерного сдерживания (хотя их наличие было публично признано Вашингтоном ближе к концу следующего десятилетия [McNamara, 1968: 51–67], а Москвой лишь к середине 1980-х гг.). Во-вторых, в количественном отношении в начале 1970-х гг. сложилось примерное равенство сил сторон (с советскими оговорками по поводу отсутствия учета ядерных сил передового базирования США и сил их союзников [Чернышев, 2021: 118, 132–133]).

Первое обстоятельство создало заинтересованность каждой стороны в ограничении и сокращении вооружений оппонента в обмен на свои меры аналогичного характера, то есть возникла возможность дипломатического «размена». Второе обеспечило в целом равенство исходных позиций государств (паритет) и полученных итогов (хотя в обеих странах была открытая или кулуарная критика со стороны максималистов, которые в принципе не приемлют никаких компромиссов). Вообще говоря, паритет не является обязательным условием эффективного ядерного сдерживания, и теоретически можно представить себе взаимную возможность разоружающего удара и безнаказанной агрессии даже при паритете, если силы сторон уязвимы для ядерного нападения. Для исключения такой возможности с 1990 г. была введена в обиход договоров по СНВ/СНП концепция стратегической стабильности¹. Но для продуктивных переговоров по физическому ограничению и сокращению ядерных вооружений – при наличии благоприятной общей политической атмосферы – до сих пор ничего другого не придумано. Отстающая держава не пой-

---

¹ Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Государственный визит Президента СССР М.С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки, 30 мая – 4 июня 1990 г. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1990. С. 197–199; Soviet-United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. 01.06.1990. <https://bush41library.tamu.edu/archives/public-papers/1938>. “Soviet-United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability,” June 1, 1990, URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=18541> (дата обращения: 15.03.2018).

дет на договорно-правовую легализацию своего отставания, а опережающая не согласится пожертвовать превосходством ради заключения договора.

Приведенный анализ позволяет понять причины неудач в организации многосторонних переговоров по ограничению ядерных вооружений, включая проект Брауна от 2008 г. Если говорить конкретно, то у США, Великобритании и Франции нет отношений взаимного ядерного сдерживания: они союзники и не заинтересованы в сокращении вооружений друг друга, то есть им нечего «разменивать». У России нет отношений ядерного сдерживания с КНР (в отличии от ситуации вражды 1970–1980-х гг.) и потому тоже нет основы для соответствующего диалога, во всяком случае до тех пор, пока сохраняются отношения «стратегического партнерства» и военного сотрудничества. Как для ядерной тройки союзников по НАТО, так и для партнерства РФ–КНР наращивание ядерного потенциала партнеров является «кредитом», а не «дебитом» их общей безопасности.

Стратегические отношения России, с одной стороны, и Великобритании с Францией – с другой, имеют характер взаимного ядерного сдерживания, но их потенциалы далеко не равны и весьма асимметричны. Две европейские державы вряд ли пойдут на включение их ракет в общий уровень ДСНВ-3 с США, поскольку считают свои силы независимыми потенциалами сдерживания. Для США такой вариант правовым образом закрепил бы преимущество России на 14% по развернутым носителям и на 30% по боезарядам. Вашингтон едва ли согласится на это как по принципиальным соображениям, так и в свете ожидаемого наращивания ядерного потенциала Китая.

Похожая ситуация между Китаем и США, которые имеют отношения взаимного ядерного сдерживания, но еще не имеют паритета. При этом для России неприемлемо ограничение ее стратегических сил общим потолком с Китаем. Под нынешним уровнем ДСНВ-3 в 1550 боезарядов прогнозируемое наращивание стратегического потенциала КНР к 2035 г. попросту «обнулило» бы российские силы сдерживания. Со своей стороны, и Китай не согласится ограничить наращивание своих стратегических вооружений общим потолком с Россией, поскольку намерен обрести полновесный потенциал ядерного сдерживания против США и не собирается опираться на российские ядерные гарантии безопасности. Именно в этом суть проблем, помимо побочных исторических, геостратегических, технических и иных ее составляющих.

Что касается четверки «аутсайдеров», то они не являются членами ДНЯО и формально не имеют обязательств по ядерному разоружению согласно Статье VI этого Договора. Создав ядерное оружие после 1967 г., они не могут присоединиться к Договору в качестве новых ядерных государств из-за его Статьи XIX, п. 3¹. А отказаться от ядерного оружия ради членства в ДНЯО они не согласятся по соображениям безопасности. (Впрочем, возможны другие формы их привлечения к режимам Договора: например, через Группу ядерных поставщиков по примеру Индии и через сотрудничество с МАГАТЭ.)

Для предотвращения дальнейшего ядерного распространения подключение «четверки» к процессу контроля над вооружениями, безусловно, пошло бы на пользу международной безопасности, причем не меньше, чем в случае с первой пятер-

¹ Это статья гласит, что «законными» ядерными государствами ДНЯО являются страны, осуществившие ядерный взрыв до 1 января 1967 г., то есть США, СССР, Великобритания, Франция и КНР.

кой ядерных держав. Если последние вернулись в состояние жесткой конфронтации недавно, то вторые были вовлечены в острые региональные конфликты на протяжении многих десятилетий. Вероятность их вовлечения в войну с применением ядерного оружия остается высокой, хотя мировое общественное внимание сейчас обращено на Украину и, в меньшей степени, на Тайвань.

Объективно, помимо России и США, наиболее благоприятные условия для диалога об ограничении ядерных вооружений существуют между Индией и Пакистаном. Они состоят в отношениях взаимного ядерного сдерживания и примерного ядерного паритета¹. Осложняющими факторами являются территориальные и идеологические противоречия, асимметрии в структуре ядерных сил и то обстоятельство, что ядерный потенциал Индии главным образом нацелен на другого ведущего члена ШОС и БРИКС – Китай.

Правда, в решении проблем асимметрии имеется большой дипломатический опыт переговоров СССР/России и США по стратегическим вооружениям (начиная с ОСВ-1 от 1972 г.), которым великие державы при необходимости могут поделиться. Наличие третьего члена ядерного уравнения тоже не новость. Это десятилетиями затрудняло переговоры Москвы и Вашингтона по ОСВ/СНВ и РСМД, поскольку ядерные силы первой были ориентированы, помимо США, также на сдерживание Великобритании, Франции и КНР. А в последнее время в похожей ситуации оказался Вашингтон, проецируя будущий курс ядерного сдерживания не только на Россию, но и на Китай. Впрочем, и для этого случая исторический опыт показывает, что при наличии благоприятных политических условий военно-стратегические проблемы могут успешно решаться.

Наконец, два ядерных государства на противоположных окраинах Евразии (и перспективной Евразийской системы международной безопасности) – это Израиль и КНДР². Они представляют собой особый случай, поскольку их ядерные вооружения не могут стать предметом классических соглашений по ограничению вооружений. Широко рекламируемые со стороны КНДР и «негласные» (но общепризнанные) со стороны Израиля ядерные потенциалы не являются элементом какого-либо понятного ядерного баланса с другими странами. В обоих случаях эти средства призваны сдерживать враждебное воздействие любого вида, ставящее «под угрозу само существование государства», согласно вошедшей в стратегический обиход доктринальной крылатой формуле России. Поэтому решение невозможно найти в договорах об ограничении или сокращении аналогичных вооружений других государств. Развязка узлов противоречий на Ближнем и Дальнем Востоке лежит на пути утверждения режимов нераспространения ядерного оружия и ограничения других вооружений, заключения региональных договоренностей о мирном урегулировании политических, территориальных, военных и других вопросов под надежными международными гарантиями безопасности.

¹ По независимым источникам обе страны располагают примерно по 170 ядерными боезарядами на ракетных и авиационных носителях [SIPRI Yearbook, 2022: 391–403].

² По независимым оценкам, Израиль имеет 90 ядерных боезарядов, а КНДР – 20–50 единиц [SIPRI Yearbook, 2022: 404–412].

Конструктивная реновация

Для подключения к процессу третьих стран не годятся простые решения, нужны нетривиальные и в высшей мере избирательные подходы. Например, можно рассматривать варианты установления равных потолков на отдельный компонент стратегических сил с одной стороны России, а с другой – суммарно Великобритании и Франции. Тогда соглашение не легализует общее российское ядерное превосходство над двумя странами, но частично устранил обоюдные ядерные озабоченности. США и КНР могли бы обсудить такой же подход в двустороннем формате, согласовав равные ограничения на системы большой дальности, вызывающие у обеих держав наибольшее беспокойство. Для этого есть прецедент: по Временному соглашению ОСВ-1 от 1972 г. были установлены асимметричные ограничения не на все стратегические силы СССР и США, а только на их отдельные элементы [Newhouse, 1973].

Здесь едва ли уместно выдвигать детальные предложения для таких соглашений, пока другие ядерные государства не пересмотрели в принципе свой отказ участвовать в процессе. В то же время есть шансы, что возврат двух сверхдержав к ДСНВ-3 и возобновление переговоров о следующем соглашении облегчит привлечение третьих государств к практическому ограничению ядерных вооружений.

Для начала следует открыть диалог России с Великобританией и Францией. Тогда у Москвы наступит ясность с перспективой модернизации их ядерных потенциалов, что стало одним из доводов за приостановку участия России в ДСНВ-3 в 2023 г. По мере развития стратегических сил КНР облегчится начало китайско-американских переговоров. Возможно, от невнятных предложений о «транспарентности» США перейдут к конкретным вариантам взаимного и равноправного ограничения вооружений, которые заинтересуют Китай не просто в плане приверженности Статье VI ДНЯО, а в целях обеспечения его национальной безопасности. Перспектива ограничения ядерного потенциала КНР уменьшит опасения Индии и создаст возможность ее переговоров с Пакистаном (и, возможно, с Китаем) об ограничении вооружений, что внесет солидный компонент стратегической стабильности в систему Евразийской безопасности. После этого совместными усилиями будет легче распространить режимы ядерного разоружения на Дальний и Ближний Восток.

Понятно, что приведенная «дорожная карта» имеет сугубо иллюстративный характер. Реальная жизнь всегда оказывается сложнее и вносит парадоксы в логические построения. Однако оторванность от объективной реальности и отвлеченные схемы решения вопросов неизбежно обрекают политику на неудачу, примеров чему в истории не счесть.

Вместо заключения

Поставленные в российской Концепции внешней политики цели совмещения перехода к новому мировому порядку и сохранения системы контроля над вооружениями – грандиозная задача. Причем сложность ее выполнения не только в объективных военно-политических и технических проблемах. Дело затрудняется и тем, что за рубежом и в России вот уже на протяжении ряда лет сформировались и обретают влияние на государственный курс вошедшие друг с другом в резонанс политические школы, открыто проповедующие отказ от системы ограничения ядер-

ных вооружений и нераспространения, возобновление гонки вооружений и ядерных испытаний, стимулирование других стран к обретению ядерного оружия и даже непосредственное применение ядерного оружия для решения тех или иных политических задач¹. Они словно возрождают в новых условиях старый лозунг с призывом разрушить все достигнутое за шесть прошлых десятилетий «до основания, а затем...». Правда, они не объясняют сколько-нибудь внятно, что будет «затем», но это не снижает разрушительный пафос отмеченной философии, которая ведет к превращению будущего полицентричного мира в ядерный хаос.

Очевидно, что нынешний кризис разоружения усугубляется небывалой конфронтацией между Россией и «коллективным Западом» из-за событий на Украине и вокруг нее. Однако рано или поздно боевые действия должны прекратиться, и начнется процесс мирного урегулирования конфликта. Альтернативой является лишь новая мировая война, чудовищные последствия которой не поддаются рациональному анализу. Вопреки умозрительным построениям некоторых кабинетных стратегов, переход через «ядерный порог» ведет не к размеренному шествию по лестнице эскалации, а к быстрому срыву в пропасть спонтанных массивированных ядерных ударов.

Если такого удручающего «конца истории» посчастливится избежать, то нужно будет как можно скорее поставить вопрос восстановления системы контроля над вооружениями, без чего невозможна нормализация политической ситуации в Евразии и в глобальном масштабе. Устранение международно-политических препятствий для восстановления Договора СНВ-3 откроет путь к следующему соглашению в этой сфере, что облегчит привлечение к процессу других ядерных государств, укрепление режимов нераспространения ядерного оружия и ограничение новейших неядерных вооружений и разрушительных военных технологий. Только на такой основе возможно обеспечить стабилизацию многостороннего ядерного сдерживания и продвижение к безопасному полицентричному миропорядку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Орлов В.А., Семенов С.Д. (ред.) (2023). *Новая ядерная девятка. Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире*. ПИР-Пресс, Москва. 233 с.

Чернышев А.К. (2021). *Поколение победителей. Академик А.Д. Сахаров в Атомном проекте СССР*. ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЖФ», Саров. 287 с.

Kissinger H. (1957). *A World Restored: Metternich, Castlereagh, and the Problem of Peace, 1812-1822*. Houghton Mifflin, Boston, the USA. 354 p.

McNamara R. (1968). *The Essence of Security: Reflections in Office*. Harper and Row, New York, the USA. 176 p.

Morgenthau H. (1948). *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York Alfred A. Knopf, New York, the USA. 516 p.

Newhouse J. (1973). *Cold Dawn: The Story of SALT*. Holt, Rinehart & Winston, New York, the USA. 302 p.

---

¹ John R. Bolton. Putin did the world a favor by suspending Russia's participation in New START. The Washington Post, 06.04.2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/03/06/russia-china-united-states-tripolar-nuclear-powers/> (дата обращения: 21.08.2024); Караганов С.А. Век войн? Статья вторая. Что делать. Россия в Глобальной политике. 21.02.2024. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vek-vojn-chto-delat/> (дата обращения: 21.08.2024).

SIPRI Yearbook 1989: Armaments, Disarmament and International Security. (1989). Oxford University Press, Oxford. 564 p.

SIPRI Yearbook 2022: Armaments, Disarmament and International Security. (2022). Oxford University Press, Oxford. 757 p.

Nuclear Deterrence and Disarmament in a Polycentric World¹

A.G. Arbatov

Doctor of Sciences (History)

Head of the Center for International Security,

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,

Russian Academy of Sciences

23, Profsoyuznaya str., Moscow, Russia, 117997

E-mail: *alarbatov@gmail.com*

Abstract. The experience of 60 years of nuclear arms control has been quite a success except one aspect – transition from a bilateral (the U.S.A. – U.S.S.R/Russia) to a multilateral format of limitation and reduction of nuclear arsenals. The reason has been a mistaken approach to a multilateral disarmament, which did not take into account a specific nature of multilateral nuclear deterrence among nuclear states. From now on, a transition to a multilateral format is becoming an indispensable condition for rescue of the system of nuclear disarmament and its adjustment to a polycentric world order, so that it does not turn into a nuclear chaos.

Keywords: nuclear deterrence, nuclear disarmament, multilateral world order, nuclear proliferation, nuclear arms limitation treaties, nuclear delivery vehicles

DOI: 10.31857/S0201708324050012

REFERENCES

Orlov V.A., Semenova S.D. (ed.) (2023). *Novaja jadernaja pjaterka. Ocenka ugroz rasprostraneniya jadernogo oruzhija v mire* [New nuclear five. Assessing the threat of nuclear weapons proliferation in the world]. PIR-Press, Moscow, Russia. (In Russian).

Chernyshev A.K. (2021). *Pokolenie pobeditelej. Akademik A.D. Saharov v Atomnom proekte SSSR* [Generation of winners. Academician A.D. Sakharov in the USSR Atomic Project]. FGUP “RFJaC-VNIIZhF, Sarov. (In Russian).

Kissinger H. (1957). *A World Restored: Metternich, Castlereagh, and the Problem of Peace, 1812–1822*. Houghton Mifflin, Boston, the USA.

McNamara R. (1968). *The Essence of Security: Reflections in Office*. Harper and Row, New York, the USA.

Morgenthau H. (1948). *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York Alfred A. Knopf, New York, the USA.

Newhouse J. (1973). *Cold Dawn: The Story of SALT*. Holt, Rinehart & Winston, New York, the USA.

SIPRI Yearbook 1989: Armaments, Disarmament and International Security. (1989). Oxford University Press, Oxford.

SIPRI Yearbook 2022: Armaments, Disarmament and International Security. (2022). Oxford University Press, Oxford.

¹ This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”.